

Кембриджский университет,
Кембридж, Великобритания

Перевод с английского
В. А. СЕРМАКШЕВА

Тюменский
государственный университет,
г. Тюмень

БЫЛ ЛИ Я КОГДА-ТО ЭМБРИОНОМ?

Стандартная теория тождества личности гласит: тот, кто существует в настоящий момент времени, может существовать и в другие моменты времени, только если сохраняется преемственность содержимого его психики или ментальных способностей. Однако ни одна личность не может быть психологическим преемником эмбриона, поскольку он, по крайней мере на раннем этапе своего развития, в принципе не имеет никаких психологических особенностей. Таким образом, Стандартная теория подразумевает, что ни одна личность никогда не была эмбрионом, вопреки общераспространенному предположению, что лишенный психики эмбрион — это потенциальная личность. Также остается загадкой, что именно случается с самим человеческим эмбрионом, если он не становится личностью. И хотя необычайно сложный вариант Стандартной теории допускает, что человек может поддерживать свое существование без какой-либо психологической преемственности до тех пор, пока он не станет личностью, но не после этого, гораздо более простым решением было бы радикально непсихологическое понимание тождества нашей личности.

Ключевые слова: тождество личности, эмбрион, человеческое существо, анимализм, психологический критерий, психологическая преемственность.

Совершенно очевидно, что нормальный плод является как минимум потенциальной личностью — это организм, который будет (за исключением неподвижных обстоятельств или вмешательств) развиваться в личность. Вопрос только в том, какие моральные требования это на нас налагает?

Джонатан Гловер
(*Causing Death and Saving Lives*,
1977, p. 122)

1. Был ли я когда-то эмбрионом? Может ли здоровый человеческий плод стать вами, мной или какой-либо другой человеческой личностью? Думать так можно! И народная мудрость, и биологические науки уверены в том, что каждый из нас провел несколько месяцев внутри утробы матери, прежде чем родиться. И как вообще кто-то может думать иначе?

Тем не менее многие философы так не думают. Во всяком случае, большая часть недавних размышлений о тождестве личности прямо предполагает, что человек никогда не был пятимесячным эмбрионом [fetus]¹ и что такой эмбрион не является личностью. Подобные размышления, которые я буду называть Стандартной теорией тождества личности (the Standard View of personal identity),

основываются на том, что нам для продолжения своего существования во времени требуется некая разновидность психологической преемственности [psychological continuity]. Я буду существовать когда-то в будущем (согласно принципам Стандартной теории) только в том случае, если смогу припомнить некоторый свой опыт в настоящем, либо останусь связанным с собой нынешним перекрывающимися цепочками воспоминаний или цепочками психологических связей какого-либо другого типа (либо, что вполне возможно, сохраню преемственность своих ментальных способностей). И я существовал когда-то в прошлом, только если сейчас сохраняю связь с собой прежним: только если сейчас есть перекрывающиеся цепочки воспоминаний, связывающие меня нынешнего с собой прошлым, или если мои нынешние ментальные способности сохраняют свою преемственность с моими прошлыми ментальными способностями.

С другой стороны, эмбриологи говорят нам, что человеческий эмбрион, которому меньше шести месяцев, не может помнить или испытывать что-либо и у него нет никаких достойных упоминания ментальных способностей. Если они правы, ни вы, ни я, существующие сейчас, не можем находиться с пятимесячными эмбрионами в какой-либо психологической связи. Содержимое психики или ментальные способности не находятся в отноше-

ниях преемственности с существом, которое их полностью лишено. Поэтому, если Стандартная теория верна, ничто не может быть эмбрионом (во всяком случае эмбрионом, который все еще не способен мыслить) в один момент времени и личностью в некоторый другой, более поздний момент времени. Ни одна личность никогда не была эмбрионом, и никакой эмбрион никогда не станет личностью.

Позвольте мне сделать данный аргумент более точным. Существует две версии Стандартной теории. Одна версия считает, что некоторая, либо даже большая, часть содержимого психики (воспоминаний, намерений и т.д.) должна быть сохранена, чтобы мы могли поддерживать свое существование во времени. Другая версия гласит, что мы можем пережить полную утрату *содержимого* своей психики, если наши основные ментальные способности сохраняют преемственность. (А какие именно это должны быть способности, я скажу позднее.)

Предположим, вы попали в аварию, в результате которой ваш головной мозг был необратимым образом поврежден, хотя мозговой ствол и вегетативная нервная система остались при этом нетронутыми. Ваши воспоминания и прочее содержимое психики безвозвратно уничтожены, так же как и ваши способности к осознанию и рассуждению; однако кровеносная, дыхательная, пищеварительная, иммунная системы, как и другие жизненно важные функции, сохранены. Стандартная теория очевидным образом отрицает, что после подобного вы могли бы выжить. Оставшееся здесь в живых человеческое животное не имеет никаких достойных упоминания ментальных способностей. Несмотря на то, что мозговой ствол этого животного отлично функционирует, — оно может просыпаться и засыпать, чихать, кашлять, глотать и даже молотить руками и ногами, — никакие состояния избирательной осознанности [selective awareness] более для него недоступны. С чисто практической точки зрения, это человеческое животное не обладает ничем похожим на содержимое вашей психики или ваши ментальные способности.

Но ведь и у пятимесячного эмбриона содержимого психики или ментальных способностей вряд ли больше, чем у такого «человеческого овоща» [human vegetable]. Причина в том, что наш головной мозг не может функционировать в качестве мыслительного органа до тех пор, пока синапсы не начнут соединять его нейроны друг с другом; и эмбриологи говорят, что это происходит примерно в период между двадцать пятой и тридцать шестой неделями после оплодотворения². До этого момента головной мозг просто-напросто не «подключен» и не обладает никакими способностями к осознанному восприятию и рассуждению. Эмбрион, по всей вероятности, не может быть разумен даже в самой минимальной степени³. В отличие от «человеческого овоща», эмбрион, однако, способен *приобретать* ментальные способности. Но пока это эмбрион, такие способности у него отсутствуют по той же самой причине, что и у «человеческого овоща»: необходимые нейронные структуры здесь просто еще не сформированы.

С точки зрения Стандартной теории, когда-либо в будущем вы не смогли бы превратиться в «человеческий овощ», головной мозг которого был уничтожен, равно как и когда-то в прошлом вы не могли быть эмбрионом, чей головной мозг еще не функционировал. В обоих случаях присутствует полный

психологический разрыв [complete psychological discontinuity].

На самом деле взгляды сторонников Стандартной теории подразумевают буквально следующее: никто никогда не был шестимесячным младенцем. Маловероятно, чтобы кто-либо из нас был связан с шестимесячным младенцем перекрывающейся цепочкой воспоминаний или чем-то подобным: поскольку мозг такого младенца еще недостаточен развит и он не способен что-либо запоминать, а также иметь какие-либо намерения. Исследователи же, которые говорят, что мы продолжаем свое существование только потому, что наши основные ментальные способности остаются в сохранности, обычно имеют в виду лишь только те способности, которые отличают людей от тех, кто ими не является [non-people]: осознанность переживаний, самосознание и разумность⁴. Вполне вероятно, что ни один младенец не приобретает такие раньше, чем через год или даже более после рождения. Поэтому, если Стандартная теория верна, вас не было на мероприятии, которое мы довольно условно называем вашим рождением: вы появились только спустя несколько месяцев. Этого неприятного следствия можно было бы избежать, если бы мы заявили, что нам для существования необходимы только самые примитивные ментальные способности, которые есть даже у новорожденных младенцев. Но ведь если это так и есть, тогда, будучи в настоящий момент времени взрослым человеком, вы могли бы, вероятно, пережить полную утрату содержимого своей психики, и даже всех своих разумных способностей и самосознания. И хотя в действительности никто не придерживается подобных взглядов, они все еще рассматриваются в качестве одной из версий Стандартной теории. Так как я намерен доказать, что психология совершенно не имеет никакого отношения к тождеству личности, я сосредоточусь на вопросе «Был ли я когда-то эмбрионом?». Но если мы ограничим наше внимание взглядами, которых на самом деле придерживались некоторые философы, тогда все то, что имеет непосредственное отношение к эмбрионам, будет также применимо и к младенцам [infants].

2. Если судить по опубликованным за последние несколько десятилетий дебатам о тождестве личности, большинство философов, похоже, убеждены в истинности одной из версий Стандартной теории⁵. И если это действительно так, большинство философов согласны с тем, что ничто не является сперва эмбрионом, а затем — личностью. Это было бы удивительным, если бы большинство философов не утверждали также и прямо противоположное. Обсуждая моральный статус еще не родившегося человека, все стороны обычно принимают принцип, согласно которому человеческий эмбрион является, по крайней мере, потенциальной личностью в том смысле, что впоследствии он может становиться личностью. Нет ничего невозможного в том, чтобы нечто *было* какое-то время немыслящим эмбрионом [unthinking fetus], а позднее — личностью; каждая личность когда-то *была* эмбрионом. Это столь же очевидно, как и то, что говорит нам Стандартная теория. Тем не менее лишь немногие этики считают необходимым оспаривать принципы Стандартной теории, равно как и немногие сторонники Стандартной теории полагают, что дискуссии по поводу абортов, детоубийств и тому подобном являются неуместными [otiose]⁶. Но почему так?

Возможно, эта проблема просто не приходила им в голову. Это объяснение не столь легкомысленно, как может показаться на первый взгляд, поскольку проблема тождества личности обычно обсуждается таким образом, чтобы никто не задавался вопросом, была ли личность когда-то эмбрионом. Философы, размышляющие над этой проблемой, постоянно спрашивают, при каких условиях *личность*, выделенная нами в один момент времени, тождественна *личности*, выделенной нами в другой момент времени; или же они спрашивают, при каких условиях некто, существующий сейчас, является той же самой личностью, что и тот, кто существовал прежде, либо тот, кто только будет существовать позднее. Если это и есть правильный способ спрашивать о нашем тождестве во времени, тогда вопрос «Были ли я когда-то эмбрионом?» будет казаться нам неподходящим. Если быть личностью означает обладать определенными, довольно сложными ментальными способностями, вроде разумности или самосознания, то эмбрион не является личностью, по крайней мере, еще не является; безусловно, это не личность в том смысле, в котором он мог бы стать объектом для применения принципов Стандартной теории. Ведь человек не может быть той же самой личностью, что и нечто, не являющееся личностью вовсе. Если быть когда-то эмбрионом означало для нас являться той же самой *личностью*, что и эмбрион, тогда аналитической истиной стало бы высказывание — каждая личность есть в любой момент времени только личность [every person is always a person]. В этом случае высказывание «я, личность, мог когда-то быть не-личностью, например, эмбрионом» стало бы самопротиворечивым. Либо, если высказывание «я когда-то был эмбрионом» не является простой тривиальной ложью, то рассматриваемый нами вопрос неизбежно выходит за рамки проблемы тождества *личности*. (Сам способ, которым обычно принято задавать вопросы о тождестве личности, на самом деле исключает некоторых важных соперников Стандартной теории.)

Тем самым «проблема эмбриона», возможно, была просто упущена из виду, поскольку философы, вдохновляемые устоявшейся теорией, привыкли задаваться вопросами о тождестве личности способом, который не позволял им ее увидеть.

Но есть и более интересное объяснение. Предположим, что сторонники Стандартной теории уже размышляли о «проблеме эмбриона», однако они не увидели там никакой подлинной проблемы, или, в лучшем случае, восприняли ее только как незначительный технический вопрос. В этом случае они могли бы защищать свои взгляды следующим образом:

«Разумеется, большинство из нас были бы несколько удивлены, узнав, что мы пришли в этот мир не как микроскопический эмбрион, но как довольно хорошо развитый плод [fetus], и это произошло, по крайней мере, не раньше, чем через шесть месяцев после зачатия (либо даже мы пришли в этот мир как младенцы в возрасте примерно одного года после рождения). Но, если воспринимать такие факты правильно, мы поймем, что это неважно. Ведь нам даже неясно, каким образом это знание может находиться в противоречии со всем остальным, во что мы привычно верим. Если бы, сидя на коленях у матери, мы узнали, что каждый из нас, прежде чем родиться, провел некоторое время внутри ее матки, или же что человеческие эмбрионы

либо младенцы развиваются и становятся взрослыми людьми, вероятнее всего, в этом случае мы узнали бы не то, что каждый из нас *нумерически тождественен* эмбриону либо младенцу, но только то, что эмбрион либо младенец, по мере своего развития, *создает* или *производит* личность [gives rise to or produces a person]. Когда мы говорим, что искры превратились в пожар, или что Словакия и Чехия когда-то были одной страной, мы вовсе не делаем абсурдных предположений о том, что одна вещь может оказаться нумерически тождественна нескольким. Таким образом, есть вполне конкретный смысл, в котором одна вещь может "стать" чем-то нумерически отличным от себя, а также смысл, в котором одна вещь может "быть когда-то" другой вещью. Поэтому даже если никто из нас никогда не имел нумерического тождества с эмбрионом — и даже если ничто не может сперва быть эмбрионом, а затем стать личностью, — все равно остается непонятным, каким образом это должно противоречить проверенным биологическим фактам, или чему-либо, во что склонен верить любой образованный человек. По-прежнему будет истинным то, что эмбрион "развивается" и "становится" личностью в том смысле, что происходит непрерывный процесс самостоятельного роста [self-directed growth], который начинается с эмбриона и заканчивается с появлением личности».

Этот ответ упускает из виду саму суть «проблемы эмбриона». Ведь, вполне возможно, есть «становление» и «пребывание когда-то» [having once been] в слабом смысле, в соответствии с которым *F* становится *G* (или *G* пребывает когда-то как *F*), хотя это и не значит, что сперва какая-то вещь является *F*, а затем — *G*, но только лишь то, что *F* в некотором смысле порождает *G*. Но такой слабый смысл не имеет ничего общего с привычными представлениями [folk wisdom] о том, как именно мы появляемся на этот свет. Когда-то я был младенцем. Это не значит, что какой-то младенец породил меня, или что я просто возник из младенца, но только лишь то, что нечто одно — «Я» — сперва было младенцем, а затем стало взрослым. Ваша пятилетняя дочь считает, что ее маленький брат — отвратительное существо, и вы напоминаете ей, что когда-то она тоже была младенцем. И вы здесь не пытаетесь сказать, что она просто когда-то возникла из младенца. Вы говорите, что это она сама, а не кто-то другой, когда-то весила 20 фунтов [≈ 9 килограммов]. — **Прим. переводчика**, кормилась молоком из материнской груди, плакала по ночам. Похожим образом и сами вы когда-то узнали, что вас не принесли аист, осознав в этот момент, что вы сами когда-то были эмбрионом в том же самом смысле, в каком прежде вы были младенцем, затем подростком и так далее. В любом случае, при нормальном стечении обстоятельств в наших высказываниях «когда-то я был младенцем, или подростком», «когда-то я был эмбрионом», «когда-то я жил в утробе своей матери» не *содержится* [arrear] никакого таинственного логического различия.

То же самое относится и к эмбриологии. Если, как мы думаем, биологическим фактом является то, что я когда-то был эмбрионом (в некотором смысле «пребывал когда-то»), биологическим фактом также будет и то, что когда-то я жил в утробе своей матери, весил меньше фунта [< 450 граммов]. — **Прим. переводчика** и у меня были жаберные щели. И тот факт, что когда-то у меня были жаберные щели, определенно влечет за собой факт существования

кого-то с такими жаберными щелями, равно как и то, что «Я» и есть этот кто-то (т.е. «Я» нумерически тождественен с этим кто-то). По крайней мере, любому, кто пожелал бы это отрицать, пришлось бы дать объяснение, почему он так думает.

Таким образом, наши привычные представления и современная эмбриология достаточно ясно говорят нам, что каждый из нас когда-то был эмбрионом — в том смысле, что мы были нумерически тождественны с ним. В самом деле, было бы удивительно, если бы все это вдруг оказалось ложью.

Но, кроме этого, есть и еще кое-что важное: утверждение, что ничто не может сперва быть эмбрионом, а затем стать личностью, также сталкивается с серьезными философскими проблемами. И сейчас мы их рассмотрим.

3. Допустим, в соответствии с принципами Стандартной теории, я появился на свет, будучи шести- или семимесячным эмбрионом после зачатия, когда естественное развитие эмбриона приводит к возникновению первых ментальных способностей либо даже спустя год или более после своего рождения, когда в ходе нормального развития младенца формируются ментальные способности, такие как разумность и самосознание, отличающие людей от тех, кто ими не является. Предположим, что эмбрион, выношенный моей матерью на протяжении всего или большей части периода внутриутробного развития, либо младенец, за которым ухаживала моя мать, нумерически от меня отличаются. Но что стало тогда с этим эмбрионом или младенцем? Одно можно сказать точно: согласно нашим предложениям, ни эмбрион, ни младенец не были личностями. Здесь не было ничего такого, что прежде весило меньше унции [≈28 граммов. — Прим. переводчика], а затем росло до тех пор, пока не стало весить 150 фунтов [≈68 килограммов. — Прим. переводчика]; ничего такого, что сперва было небольшим шариком из нескольких десятков или сотен клеток, который приобрел свои первые примитивные психологические характеристики [crude psychological features] только через несколько месяцев своей жизни, а позднее даже взялся за изучение философии. В какой-то момент (или во время какого-то неопределенного периода), вероятно, через шесть или семь месяцев после зачатия эмбриона, на свет появилась юная человеческая личность, или новое мыслящее существо. Но что же тогда случилось с эмбрионом? Стандартная теория допускает две возможности. Согласно первой из них, эмбрион прекратил свое существование и его место заняла личность («Я»). Согласно же второй, эмбрион выжил, но личностью он не стал и никогда не станет: он просто поделился своей материей с нумерически от него отличной личностью («мной»).

В любую из этих возможностей трудно поверить. Первая говорит нам о том, что для человеческого эмбриона логически невозможно стать нормальным взрослым человеческим существом: эмбрион с *необходимостью* прекратил свое существование, как только его нервная система развилась до такой степени, что возникли первые мыслительные процессы. Каждый человеческий эмбрион (или младенец) должен погибнуть в процессе рождения человеческого существа. Это было бы одним из самых примечательных и печальных фактов во всей естественной истории — во всяком случае, если предположить, что эмбрионам *других* видов млекопитающих обычно удается выжить до взрос-

лого состояния. Нам следовало бы знать, почему эмбрион неизбежно должен погибнуть просто потому, что в ходе функционирования закодированной в его генах программы, он (или, скорее, его преемник) приобретает способность мыслить. Это не тот тип изменения, что обычно вызывает гибель организма. Мы можем смириться с точкой зрения, согласно которой человек неизбежно погибает, если *теряет* способность мыслить; но было бы абсурдно думать, что человек должен погибнуть, *приобретая* такую способность. (Некоторые человеческие эмбрионы с поврежденным мозгом могут развиваться в младенцев или даже во взрослые особи, но, строго говоря, не в самих людей, — ведь они не могут стать разумными. Возможно, в отличие от нормальных эмбрионов, они *способны* выживать и после шести месяцев.) В этом случае нам следовало бы больше говорить о тех изменениях, которые живой организм в принципе *способен* пережить, так как это показывает, насколько наши привычные представления неадекватны. Биология должна быть подвергнута существенной ревизии, чтобы учесть наши новые идеи. Но это вряд ли нас может привлечь.

Вторая возможность говорит о том, что человеческий эмбрион действительно выживает в процессе нормального развития своей нервной системы, вырастая во взрослое человеческое животное, как мы обычно об этом и думаем. Но, несмотря на такое развитие, он никогда не становится *личностью*. Ни один человеческий эмбрион никогда не станет кем-либо из *нас* — существом, к которому применимы принципы Стандартной теории. Скорее атомы, из которых состоит эмбрион, в определенный момент его развития, начинают составлять что-то еще — другое существо, *которое* и есть личность. Вы (как личность) теперь делите свои пространство и материю с человеческим организмом, и именно он, а не вы, когда-то возникает как эмбрион. Этот организм нумерически отличен от вас, поскольку он начал свое существование прежде, чем вы (а также потому, что он обладает другим набором диспозиционных свойств: *вы* не могли бы выжить без психологической преемственности, но животное, сосуществующее с вами [accompanying you], — очевидно, может или, по крайней мере, могло и даже действительно это делало какое-то время).

Такой взгляд влечет за собой вывод, согласно которому, даже несмотря на то, что мы являемся материальными существами, мы — не человеческие животные, вернее говоря, не представители вида *Homo sapiens*. По-видимому, мы и не организмы вообще, несмотря на все свои проявления, даже в том случае, если мы, как живые существа, полностью состоим из живых тканей, устроенных в точности так, как устроены ткани живого человеческого организма. Во всяком случае это так и есть, если только *два* организма могут состоять из одной и той же материи в одно и то же время, существуя вместе в определенном интимном симбиозе; хотя даже защитники взглядов, согласно которым две вещи могут занимать одно и то же место в одно и то же время, отрицают, что такое возможно для двух вещей одного и того же рода [например, см.: 17, р. 48–49].

Утверждать, что вы и я — материальные объекты, а не животные, более чем странно. Это разрушило бы Стандартную теорию, создав полную неопределенность в наших представлениях о том, являемся ли мы в принципе людьми. Ведь если бы вы могли быть чем-то биологически неотличимым от организма, не будучи в то же время самим этим

организмом, вполне возможно, тогда могло бы существовать и что-то психологически в точности похожее на личность, на самом деле не являющееся личностью. Если существуют псевдо-организмы, неотличимые от реальных организмов, тогда могут быть и псевдо-личности, неотличимые от реальных личностей. Организм, с которым вы сейчас делите материю (тот самый, что возник как эмбрион за несколько месяцев до того, как вы появились на свет), кажется именно такой псевдо-личностью. Это — не человек, поскольку когда-то он был эмбрионом, и принципы Стандартной теории к нему не применимы. Более того, он вполне мог бы выжить без какой-либо психологической преемственности, в отличие от любой личности. Тем не менее этот организм сознателен и разумен, как и вы; во всяком случае, его поведение и состояния его мозга ничем не отличаются от ваших. Вы считаете себя личностью. Это животное на тех же самых основаниях тоже считает себя личностью, но оно ошибается. В таком случае откуда вы знаете, что вы не совершаете точно такую же ошибку? Насколько известно, вы также можете быть и животным, которое когда-то было эмбрионом, а не личностью. Казалось бы, такие утверждения имеют равные шансы, и никакие доказательства не могут помочь нам дать окончательный ответ на этот вопрос. Поэтому даже в том случае, если бы Стандартная теория оказалась истинной, мы не могли бы быть до конца уверенными в том, что ее принципы действительно применимы к нам. Но было бы абсурдно думать, что мы можем с такой легкостью ошибаться в том, являемся ли мы людьми⁷.

Вы можете сомневаться в том, что сосуществующее с вами человеческое животное, согласно таким взглядам, способно думать или говорить по-английски, даже если это животное — совершенная копия вас такого, каким вы сейчас являетесь. Однако ни одна из имеющихся в настоящее время теорий интенциональности не может это правдоподобным образом описать. Что могло бы объяснить столь существенную разницу в способностях? С точки зрения неврологии и поведения, личность и животное тождественны и находятся в одной и той же окружающей среде. Они слишком похожи друг на друга, чтобы только один из них (но не другой) был мыслящим существом. (А что мы тогда скажем нашим коллегам — представителям наук о жизни? Что *Homo sapiens*, несмотря на все свои проявления, на самом деле менее разумен, чем его эволюционные сородичи [cousins]? Что человеческий эмбрион, хотя и может породить высокоинтеллектуальное существо, сам оказывается способным развиваться только в глупого взрослого примата? Очевидно, что это были бы не те вещи, которые стоило узнать, размышляя над проблемой тождества личности.)

Некоторые философы считают такие взгляды вполне приемлемыми в сочетании с куайновской онтологией временных частей, согласно которой, конкретные объекты, вроде нас, строго говоря, не делятся во времени [endure through time], но растягиваются во времени, подобно событиям, и состоят из более ранних и более поздних временных частей [22, 23]. Мы существуем в разные моменты времени и состоим из разных временных частей, которые «имеют место» в эти разные моменты времени. С этой точки зрения, личность может быть просто правильной [proper] временной частью человеческого организма — частью, которая обладает

психологической преемственностью. «Эмбриональные» временные части этого организма, не способные мыслить, частями личности не являются. Поэтому ни одна личность никогда не была эмбрионом.

Подобно тому, как ни один взрослый никогда не был младенцем, — ведь, строго говоря, взрослый состоит из полностью взрослых временных частей человеческого организма, — личность состоит только из тех временных частей организма, которые способны мыслить. На самом деле, по мнению Куайна и Льюиса, каждая стадия вашей жизни соответствует разным мыслящим существам. Стронникам «четырёхмерности» [four-dimensionalist] необходима такая теория семантики английского языка, которая хоть каким-то образом скрывала бы странные следствия этой онтологии, сохраняя истинность наших привычных представлений (например, что все женщины когда-то были девочками).

Онтология временных частей является очень сложной темой, и для ее полноценного обсуждения нам потребовалось бы выйти далеко за рамки данного исследования. Здесь я бы только отметил, что такая онтология сама по себе имеет довольно непривлекательные следствия и, по-видимому, большинство сторонников Стандартной теории ее отвергает [24, 25]⁸.

4. Как я уже указал выше, согласно принципам Стандартной теории, никто никогда не был эмбрионом и, вероятно, даже младенцем; и, как я отметил, это не просто какие-то незначительные технические вопросы, но очень серьезная философская проблема [major embarrassment]. Тем не менее некоторые философы могли бы думать, что на самом деле я атаковал очередное «соломенное чучело» [straw man]. Они утверждают, что «проблемы эмбриона» легко избежать, поскольку она возникает только тогда, когда мы крайне неосмотрительно интерпретируем принципы Стандартной теории. Они предлагают воспользоваться более тонкой версией этой теории. Поскольку я в настоящий момент времени являюсь личностью, то я могу, говорят они, продолжить свое существование в некоторый *будущий* момент времени, если и только если будут сохранены мои психические характеристики [mental features]. Но я мог бы существовать в некоторый *прошлый* момент времени, даже если бы у меня тогда и во все не было никаких психических характеристик. И хотя отсутствие психологической преемственности не позволяет мне когда-либо стать (в смысле «быть тождественным с») трупом или «человеческим овощем», это никак не препятствует мне быть когда-то эмбрионом. Мы не являемся людьми существенным образом, поскольку все мы появляемся на свет как немыслящие эмбрионы; но как только человек становится личностью, он не может перестать быть личностью, не прекратив тем самым свое существование. Иными словами, они предлагают нам использовать для нашего понимания тождества личности принцип временной асимметрии.

Унгер выступает в защиту именно такого понимания. Он пишет: «... личность *X*, существующая в настоящий момент времени, является тождественной личности *Y*, существующей в некоторый будущий момент времени, если и только если между нынешним носителем психологии *X* и физическим носителем психологии *Y*, существующим в некоторый будущий момент времени, присутствует в достаточной степени непрерывная физическая реализация достаточного числа актуальных в настоящий момент времени центральных психологических ха-

рактеристик личности Х...» [7, р. 140–141]⁹. Унгер утверждает [7, р. 5–7, 199], что подобный взгляд позволяет мне существовать в какое-то время в прошлом (в качестве эмбриона, например), не имея со мной нынешним никакого содержательного психологического родства, но мешает мне пережить потерю моих основных ментальных способностей, как только они у меня появляются. Может быть, я и не появился на свет как личность, но после того, как я ею стал, пути назад уже нет.

Важно отметить, что предложение Унгера является неполным, и неясно, как можно было бы его последовательным образом дополнить [to complete]. Если я когда-то действительно был пятимесячным эмбрионом, взгляды Унгера не могли бы стать полноценным объяснением моих отношений тождества, или даже описанием условий моего выживания в будущем. Причина в том, что взгляды Унгера не применимы ко мне до тех пор, пока я не стал личностью. В качестве эмбриона мне удавалось выживать и без какой-либо психологии в принципе, не важно, физически реализованной или нет. Взгляды Унгера здесь не должны применяться ко мне. Они применимы только к таким существам, которые уже являются людьми (а точнее, к «личностям Х...»). Это предполагает (и здесь я интерпретирую Унгера, а не разъясняю его взгляды), что критерий тождества Унгера вступает в силу только через несколько месяцев или даже лет после моего зачатия, когда я обретаю разум и самосознание, — до этого времени ко мне должен применяться какой-то другой критерий тождества, и по всей вероятности тот, который требует лишь «чисто животной» преемственности [«purely animal» continuity]. «Личностный» критерий тождества заменяет «эмбриональный» в тот момент, когда человек становится личностью, подобно тому, как новое законодательство отменяет старые законы. Унгер не предъясняет объяснения того, что нам необходимо для выживания в качестве просто потенциальной личности, поскольку он сосредоточен, прежде всего, на проблеме тождества личности, или, строго говоря, на вопросе о том, что необходимо для выживания уже после того, как человек становится личностью.

Поэтому мы можем попытаться развить взгляды Унгера следующим образом: эмбрион, который существует в настоящий момент времени и не имеет совсем никаких психологических характеристик, существует в некоторый более поздний момент времени лишь в том случае, если в этот период времени есть что-то, поддерживающее «биологическую преемственность» с этим эмбрионом («эмбриональный» критерий тождества). Но, как только этот эмбрион становится личностью, он продолжает свое существование в более поздние моменты времени только при условии сохранения его психологии («личностный» критерий Унгера). Однако такое наше предположение было бы непоследовательным. Допустим, что определенный эмбрион, Мэри, вырастает и становится личностью. Позднее необратимая травма головы разрушает все ее психологические характеристики, превращая Мэри в живой «человеческий овощ». Этот «человеческий овощ» продолжает поддерживать биологическую преемственность с эмбрионом, которым когда-то была Мэри, т.е. с самой этой Мэри. Согласно нашему предположению, эмбрион Мэри должен иметь нумерическое тождество с любым будущим существом, которое сохраняет с ним биологическую преемственность. Таким образом, эмбрион

является «человеческим овощем», а значит, Мэри выжила после необратимой травмы головы. «Личностный» критерий Унгера, напротив, говорит нам, что Мэри такое пережить не способна.

Тем самым критерий тождества, который применялся ко мне, когда я был эмбрионом, должен применяться ко мне и сейчас, когда я стал личностью, но, какой бы критерий ни применялся ко мне сейчас, он должен применяться ко мне и тогда, когда я был эмбрионом, если я действительно когда-то им был. Вещь не может частным образом поменять критерий своего тождества на новый критерий, несовместимый со всеми стадиями ее существования. Должен быть единый унифицированный [unitary] критерий тождества, который применяется к какой-либо вещи на протяжении всех стадий ее существования [applies to something throughout its career]. Мы можем попытаться превратить неполный «личностный» критерий Унгера в полноценный единый критерий, который применялся бы ко мне на всем протяжении моего существования, — и как к эмбриону, и как к хорошо развитому плоду, и как к младенцу, и как к личности, — критерий, который позволил бы мне выжить без всякой психологии в качестве эмбриона, и без какой-либо разумности в качестве младенца, но который бы не позволил мне пережить утрату моих основных ментальных способностей после того, как я их уже приобрел¹⁰. Поскольку все необходимое для выживания эмбриона отличается и даже несовместимо с тем, что требуется для выживания личности (согласно принципам Стандартной теории), такой единый критерий окажется непоправимо дизъюнктивным [irreducibly disjunctive]. Человеческое существо, обретая способность мыслить, будет подвергаться своего рода онтологической метаморфозе. «Животные» функции, которые когда-то были необходимы ему для продолжения своего существования, станут несущественными для его выживания (за исключением их производного значения в том смысле, что биологическая преемственность обычно сопровождает и каузально влияет на сохранение психических характеристик человеческого существа). И хотя это может стать способом устранения противоречий, возникших двумя разделами выше, мы все же должны будем признать, что возможности человека поддерживать свое существование требуют разных вещей в разное время и зависят от многих обстоятельств. Я не знаю, насколько последовательными могли бы быть такие взгляды (если предположить, что они не были бы связаны с онтологиями временных частей, о которых мы уже говорили выше). Но, в конечном счете, это вряд ли могло бы нас привлечь.

5. Я бы предложил гораздо более простое и менее обременительное решение «проблемы эмбриона». Вы и я являемся живыми организмами. И хотя мы не всегда являемся людьми, мы всегда остаемся организмами, и у нас есть свой собственный критерий тождества в силу того, что мы организмы, а не в силу того, что мы люди. То, что нам необходимо, чтобы выжить, остается неизменным на протяжении всего нашего существования: как и остальные животные, мы способны поддерживать свое существование, только если наша биологическая жизнь продолжается. В любой период своего существования я выживаю, если и только если сохраняются мои жизненные функции — сложные биохимические и механические взаимодействия атомов, благодаря которым они составляют живой

организм. Эти «животные» функции, по-видимому, не требуют никакой психической активности или ментальных способностей. «Человеческий овощ», жизнь которого можно поддерживать при помощи зонда для искусственного кормления, все равно остается живым человеческим животным, даже несмотря на то, что его головной мозг может быть полностью разрушен. (Благодаря тому, что мозговой ствол остается неповрежденным, животное продолжает поддерживать [organize] свои внутренние процессы, такие как метаболизм, кровообращение, пищеварение, рост и развитие живых тканей, а также иммунные реакции, сохраняя их в необходимой степени, характерной только для живых организмов.) Более того, такой «человеческий овощ» является *тем же самым* человеческим животным, что и человеческое существо, которое когда-то было разумным и осознанным, поскольку биологическая жизнь в этом случае никогда не прекращалась. Младенец с врожденной анэнцефалией¹¹ тоже является живым человеческим организмом, даже если у него никогда не было и не будет мозга. Живым человеческим организмом является также и четырехнедельный человеческий эмбрион, у которого есть своя замкнутая система кровообращения, своя группа крови, иммунная система и даже зачатки примитивной нервной системы. Поэтому когда-то я появился на свет как немыслящий эмбрион, и, если вдруг что-то пойдет не так, я вполне могу закончить свои дни как «человеческий овощ», существуя до тех пор, пока будет длиться моя биологическая жизнь. Это можно было бы назвать Биологической теорией тождества личности [the Biological View of personal identity]¹².

С этой точки зрения не существует никакой «проблемы эмбриона». Человеческий эмбрион или младенец не погибает в тот момент, когда обретает способность мыслить (только если этот процесс не обрывает каким-то образом его биологическую жизнь), и нет никаких оснований считать, что он сосуществует с некоторым нумерически отличным от него мыслящим существом. Эмбрион или младенец просто становится личностью, подобно тому, как впоследствии он может стать музыкантом или философом. И став личностью, он продолжает выживать до тех пор, пока длится его биологическая жизнь, также в точности, как он это делал, пока был эмбрионом. Личность, если она утратит свои ментальные способности, может перестать быть личностью, продолжая, тем не менее, сохранять собственное существование, равно как и музыкант, утратив свои музыкальные способности или навыки, может перестать быть музыкантом, но продолжать существовать.

Биологическая теория не говорит о том, что я начал свое существование с момента зачатия. Человеческий организм, которым я являюсь, по всей вероятности, никогда не был оплодотворенной яйцеклеткой. Ведь когда оплодотворенная яйцеклетка делится на две, затем на четыре, а потом на восемь клеток, она не становится многоклеточным организмом. Эти клетки лишь слабо скреплены между собой, и их рост и другого рода активность не координируются в той же самой степени, в которой координируются действия клеток живого организма. Эмбриологические факты говорят о том, что этот человеческий организм (тот самый, которым я себя считаю) появился на свет только через две недели после зачатия [подробнее об этом, например, см.: 5, р. 26–28; также см.: 27, р. 156–157].

Биологическая теория не является очередной версией Стандартной теории; они просто несовместимы, ведь, согласно принципам Биологической теории, мы можем выживать и без каких-либо ментальных характеристик. Это становится вполне очевидным в ситуации, когда мы анализируем знаменитый мысленный эксперимент. Представьте, что ваш головной мозг извлечен из вашей головы и пересажен в другую, в результате чего возникает существо, которое способно поддерживать физическую непрерывность с вашим психическим содержанием и ментальными способностями. Если хирурги во время операции были осторожны и оставили нетронутыми мозговой ствол и другие органы, то получившееся в результате пустоголовое существо [empty-headed thing], вполне вероятно, будет живым, дышащим человеческим организмом (чем-то вроде младенца с анэнцефалией, только большего размера и более жалкого на вид). Но кто теперь это безмозглое человеческое животное: животное, чей мозг был удален? Не похоже, что, удалив ваш головной мозг, мы создали *новое* человеческое животное. Думаю, вполне очевидно, что животное просто утратило один из своих органов, как если бы мы, вместо головного мозга, удалили почку или легкое. Насколько мы знаем, удаление головного мозга не должно прервать жизнь животного, поскольку органы нижнего отдела мозга этого животного, которые поддерживают и координируют его жизненные функции, могут остаться нетронутыми. Безусловно, здесь мы не урезали наше животное до одного только головного мозга, и не извлекали его из того, что когда-то было его головой, чтобы затем пересадить на него новую голову, руки, ноги и другие части тела. Отделенный от остального тела головной мозг вовсе не является живым организмом, равно как и свежесрезанная рука или вырезанная почка. И хотя он состоит из живых клеток, он не способен координировать свои жизненные функции так, как это может делать живой организм. Поэтому, если вы являетесь обыкновенным [particular] человеческим животным, вы не «двинетесь в полном одиночестве вслед за» вашим мозгом, как думают сторонники Стандартной теории, если он вдруг по каким-то причинам окажется извлечен из вашей головы. Вместо этого вы просто утратите собственный головной мозг, а вслед за ним и свои ментальные способности. Личность, которая приобретет ваш головной мозг в ходе трансплантации, не может быть вами, если вы животное, ведь она не то же самое животное, что и вы. Она не может жить вашей биологической жизнью¹³.

Согласно принципам Биологической теории, преемственность психологического содержания или ментальных способностей не является ни необходимой, ни достаточной причиной для того, чтобы мы продолжали свое существование. Психология совершенно не имеет *никакого отношения* к тождеству личности (за исключением лишь ряда косвенных случаев, в которых психологическая и чисто биологическая преемственность возникают в одно и то же время).

Но действительно ли нам нужны столь радикальные меры, чтобы избежать «проблемы эмбриона»? Не могли ли мы сохранить Стандартную теорию, просто сказав, что человеческое существо сохраняет свое существование до тех пор, пока остаются хотя бы *какие-то* его ментальные способности, какими бы примитивными на самом деле они ни были? И можно ли предположить, учитывая, сколь

мало мы знаем о развитии нервной системы эмбриона, что мозговой ствол, по крайней мере, пятимесячного эмбриона вполне способен реализовывать такие способности? Проблема здесь в том, что подобные попытки сохранить Стандартную теорию были бы лишены всех ее достоинств. Это позволило бы вам и мне когда-нибудь стать «человеческим овощем», ведь даже если бы мой головной мозг был разрушен, мой мозговой ствол вполне мог бы остаться нетронутым и быть способным реализовывать столько же психологии, сколько и пятимесячный эмбрион; однако сторонники Стандартной теории полностью отрицают, что кто-либо способен после такого выжить. Также это предполагало бы, что, если бы мой мозг был пересажен в другую голову, возникли бы *два* существа, способные поддерживать со мной психологическую преемственность: то, которое теперь имеет мой головной мозг и все содержимое моей психики, и безмозглое тело, которое обладает минимальным объемом ментальной непрерывности [mental continuity], реализуемым мозговым стволом, что было бы вполне достаточно для моего выживания в ситуации, когда оно не имело бы других кандидатов на право быть мной. Для примеров трансплантации тогда пришлось бы искать решения наравне с остальными примерами «деления» [other fission cases], в частности, такими, как знаменитый мысленный эксперимент, в котором полушария головного мозга отделяются друг от друга и пересаживаются в две разные головы. Если в этом «классическом» примере деления никто не выживает, как считают большинство сторонников Стандартной теории, тогда, в соответствии с теми же самыми причинами, никто не мог бы выжить и в ходе трансплантации мозга. Однако если мы обязаны отрицать то, что в примерах трансплантации я должен выжить в качестве реципиента моего головного мозга, сохраняя в отношении личности возможность выживания в качестве «человеческого овоща», ничто не должно помешать нам принять также и Биологическую теорию тождества личности.

В любом случае, это не было бы решением «проблемы эмбриона». Человеческий организм, когда он впервые возникает как микроскопический эмбрион, вообще не имеет никакой нервной системы. Поэтому, если вам для выживания требуется хотя бы минимальная разновидность психологической преемственности, вы не можете появиться на свет в тот же самый момент времени, что и этот порождающий вас человеческий организм. В таком случае, мы вновь возвращаемся к дилемме, описанной нами выше в разделе 3: либо этот организм погиб в тот самый момент, когда стала развиваться его нервная система, и был заменен вами, либо он продолжил свое существование и в настоящий момент времени является нумерически отличным от вас взрослым человеческим существом. И при этом неважно, когда именно вы появились на свет — через две недели или спустя два года после того, как возник породивший вас живой организм, — наша проблема остается прежней. Единственное разумное решение «проблемы эмбриона» — это Биологическая теория¹⁴.

Примечания

¹Здесь и далее применяемый Олсоном термин *fetus* (буквально — плод) мы будем переводить более привычным для неспециалистов термином *эмбрион*. В клинической эмбриоло-

гии этот термин обычно используется в более узком значении для указания на период развития человеческого организма, который охватывает с третьей по седьмую неделю с момента зачатия (The Embryonic Period/The Period of Organogenesis), начиная с восьмой недели и вплоть до момента рождения, такой организм принято называть *плодом* (The Fetal Period) [1, p. 87–122; также см.: 2, p. 54–58]. [Прим. переводчика].

²Моровиц и Трефил (биолог и физик) утверждают, что человеческий мозг не может функционировать до тех пор, пока нейроны не начнут обмениваться сигналами друг с другом: «Пока не сформируются синапсы, мозг эмбриона представляет собой просто сгусток нервных клеток. Плод не способен на осознание или волевые решения» [3, p. 116]. Кора головного мозга «становится функциональным органом» в период между двадцать пятой и тридцать второй неделями [3, p. 119]. Непрерывные паттерны наблюдаются на электроэнцефалограмме только после тридцатой недели [4, p. 246].

³Биолог Флауэр считает, что даже боль — наиболее примитивное осознанное состояние [state of awareness] — невозможна для эмбриона до тех пор, пока его мозг не соединится с таламусом в середине второго триместра беременности [4, p. 247]. Эмбриолог Гробштейн пишет: «Доступные факты говорят против наличия воображаемого состояния чувствительности до двадцатой недели и вплоть до периода неопределенной продолжительности — по всей вероятности, как минимум, до тридцатой недели, когда созревание коры головного мозга и ее связанность заметно возрастают» [5, p. 130; см. также: 5, p. 54].

⁴По мнению Нагеля, я выживаю до тех пор, пока сохраняю свои способности к сознательному опыту и повторной идентификации себя через память [6, p. 41]. Унгер говорит примерно следующее: я выживаю до тех пор, пока сохраняются мои способности к рассуждению и осознанию [7, p. 109, 144]. Другие же исследователи не столь конкретны в своих взглядах. Джонстон, например, после критики представлений о тождестве личности, основанных на принципе преемственности содержимого психики, просто утверждает лишь то, что человек выживает до тех пор, пока продолжает существовать его разум [8, p. 78].

⁵Стандартная теория в той или иной версии защищалась Грайсом [9], Льюисом [10], Нуаном [11, p. 10–14; также см.: 12], Парфитом [13, p. 216], Перри [14], Куинтоном [15, p. 403], Шумейкером [16, p. 90] и Уиггинсом [17, p. 57–58] (так же как и исследователями, которые были упомянуты в сноске 4). Недавно вышедшая антология под редакцией Колака и Мартина [18] включает в себя девять статей о тождестве личности, при этом только одна из них, статья Уильямса *The Self and the Future* [19], содержит критику Стандартной теории; и не случайно, что данная статья является одним из самых старых текстов этой антологии.

⁶Исключениями здесь являются Стоун [20] и Уоррен [21]. Унгер думает, что может избежать проблемы [7]; его взгляды я обсуждаю ниже, в разделе 4.

⁷Кто-то может сказать, что наши личные местоимения единственного числа всегда двусмысленным образом ссылаются и на личность, и на животное, и поэтому нам не следовало бы создавать здесь дополнительную путаницу. Но те, кто обычно так думают, считают, что высказывания с двусмысленными ссылками истинны только в том случае, если они оказываются истинными во всех (или практически во всех) недвусмысленных высказываниях. В нашей ситуации это влекло бы за собой то, что предложения «Я — личность» и «Стандартная теория применительно ко мне является истинной» не могли бы рассматриваться как типичные примеры истинных высказываний, поскольку здесь соответствующий предикат был бы истинен для одного из референтов местоимения «Я», но ложен для другого. Поэтому такое представление не решает проблемы.

⁸Другая версия метафизических взглядов, для обсуждения которой мне не хватает в данном исследовании места, заклю-

чается в объединении Стандартной теории с теорией относительного тождества Гича [26, р. 64–65; также см.: 25]. Подобная точка зрения гласит: я — тот же самый организм, что и некоторый конкретный эмбрион, но не та же самая личность. То, что я являюсь тем же самым организмом, как и этот эмбрион, не означает, что я имею с ним абсолютное тождество, равно как и то, что я не являюсь той же самой личностью, как и этот эмбрион, не предполагает, что я абсолютным образом от него отличаюсь. Такого вида тождества, как «классическое» или «абсолютное», просто-напросто не существует. В этом случае Стандартная теория описывала бы условие для возникновения отношения «быть той же самой личностью», в то время как Биологическая теория [The Biological View], которую я буду ниже защищать, была бы применима к отношению «быть тем же самым организмом».

⁹Другими словами, «чтобы вы существовали в будущем... между настоящим моментом времени и этим будущим должно быть непрерывное существование ваших основных индивидуально-ментальных способностей» [7, р. 116]. Для простоты я убрал из этой цитаты несколько сделанных Унгером оговорок, включая требование «неразветвленности» [nonbranching].

¹⁰Чтобы дать читателям представление о том, как должен был бы выглядеть такой критерий, я предлагаю рассмотреть следующий пример (на данный момент это лучшая из имеющихся в моем распоряжении формулировок): если x — это человеческое существо (например, вы или я), существующее в момент времени t , то для любого u , существующего в некоторый более поздний момент времени t' , $x=u$ тогда и только тогда, когда (1) u в момент времени t' поддерживает психологическую преемственность с x таким, каким он является в момент времени t ; либо (2) x в момент времени t не является личностью, также как и u не является личностью в момент времени t' , и x в момент времени t поддерживает биологическую преемственность с u таким, каким он является в момент времени t' , и никакое существующее в период между моментами времени t и t' человеческое существо, являющееся личностью, не поддерживает биологическую преемственность с x таким, каким он является в момент времени t , либо (3) x в момент времени t не является личностью, а u в момент времени t' ею уже стал, и между моментами времени t и t' есть некоторый период времени t' , когда существует такая личность z , которая поддерживает в момент времени t' биологическую преемственность с x , и в любой момент времени между t и t' не существует никакой другой личности, которая бы поддерживала биологическую преемственность с x , и при этом u в момент времени t' поддерживает психологическую преемственность с z таким, каким он является в момент времени t' . Первое дизъюнктивное условие говорит нам, что именно требуется человеку для выживания после того, как он становится личностью. Второе применимо к нему в период до того, как он стал личностью (прежде чем он сможет мыслить). Третье описывает период перехода от не-личности к личности; это дизъюнктивное условие говорит нам, какой именно будущей личностью станет некоторый немыслящий эмбрион или младенец. Грубо говоря, эмбрион сохраняет тождество с любой будущей личностью, которая поддерживает психологическую преемственность с ним таким, каким он становится в тот момент, когда впервые осознает себя личностью.

¹¹Анэнцефалия — внутриутробный порок развития плода, который возникает, например, в условиях гидромниоза, или избытка околоплодных вод, выражающийся в полном или частичном отсутствии больших полушарий головного мозга, костей свода и мягких тканей черепа [1, р. 147, 177, 468]. [Прим. переводчика].

¹²Более подробное изложение этих взглядов можно найти в работе Инвагена *Material Beings* [27, р. 81–97].

¹³Детальное обсуждение этих вопросов содержится в моей недавней работе *Human People or Human Animals?* [28].

¹⁴Я благодарен Хосе Бенардете за множество полезных советов, а также за то, что он вдохновил меня на написание этого текста. Также я благодарен Джонатану Беннету, Уильяму Ликану, Питеру Унгеру и анонимному рецензенту журнала *Philosophy and Phenomenological Research* за их ценные комментарии.

Библиографический список

- Sadler T. W. Langman's Medical Embryology. Philadelphia: Lippincott Williams & Wilkins, 2000. 482 p.
- Smith B., Brogaard B. Sixteen Days // The Journal of Medicine and Philosophy. 2003. Vol. 28, no. 1. P. 45–78. DOI: 10.1076/jmep.28.1.45.14172.
- Morowitz H., Trefil J. The Facts of Life: Science and the Abortion Controversy. New York: Oxford University Press, 1992. 196 p.
- Flower M. J. Neuromaturation of the Human Fetus // Journal of Medicine and Philosophy. 1985. Vol. 10, no. 3. P. 237–251. DOI: 10.1093/jmp/10.3.237.
- Grobstein C. Science and the Unborn: Choosing Human Futures. New York: Basic Books, 1988. 208 p.
- Nagel T. The View from Nowhere. NY: Oxford University Press, 1986. 244 p.
- Unger P. Identity, Consciousness and Value. New York: Oxford University Press, 1990. 344 p.
- Johnston M. Human Beings // The Journal of Philosophy. 1987. Vol. 84, no. 2. P. 59–83. DOI: 10.2307/2026626.
- Grice H. P. Personal Identity // Mind. 1941. Vol. L, no. 200. P. 330–350. DOI: 10.1093/mind/L.200.330.
- Lewis D. Survival and Identity // Philosophical Papers. New York: Oxford University Press, 1983. Vol. 1. P. 55–72.
- Noonan H. W. Personal Identity. London: Routledge, 1989. 236 p.
- Noonan H. W. Animalism versus Lockeanism: A Current Controversy // The Philosophical Quarterly. 1998. Vol. 48, no. 192. P. 302–318. DOI: 10.1111/1467-9213.00102.
- Parfit D. Reasons and Persons. Oxford: Oxford University Press, 1984. 560 p.
- Perry J. Can the Self Divide? // The Journal of Philosophy. 1972. Vol. 69, no. 16. P. 463–488. DOI: 10.2307/2025324.
- Quinton A. The Soul // The Journal of Philosophy. 1962. Vol. 59, no. 15. P. 393–409. DOI: 10.2307/2022957.
- Shoemaker S. Personal Identity: A Materialist's Account // Personal Identity: Great Debates in Philosophy / Eds.: S. Shoemaker, R. Swinburne. Oxford: Blackwell, 1984. P. 67–132.
- Wiggins D. Identity and Spatio-Temporal Continuity. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 84 p.
- Self and Identity: Contemporary Philosophical Issues / Eds.: D. Kolak, R. Martin. New York: Macmillan, 1991. 512 p.
- Williams B. The Self and the Future // The Philosophical Review. 1970. Vol. 79, no. 2. P. 161–180. DOI: 10.2307/2183946.
- Stone J. Why Potentiality Matters // Canadian Journal of Philosophy. 1987. Vol. 17, no. 4. P. 815–829. DOI: 10.1080/00455091.1987.10715920.
- Warren M. A. Do Potential Persons have Rights? // Responsibilities to Future Generations / Ed. E. Partridge. Buffalo: Prometheus Books, 1981. P. 261–274.
- Куйин У. В. О. Тождество, остенсия и гипостазирование: пер. с англ. // С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. Москва: Канон+РООИ Реабилитация, 2010. С. 103–122.
- Lewis D. Counterparts of Person and Their Bodies // Philosophical Papers. Vol. 1. New York: Oxford University Press, 1983. P. 47–54.
- Inwagen P. Four-Dimensional Objects // Noûs. 1990. Vol. 24, no. 2. P. 245–255. DOI: 10.2307/2215526.
- Olson E. T. Is Psychology Relevant to Personal Identity? // Australasian Journal of Philosophy. 1994. Vol. 72, no. 2. P. 173–186. DOI: 10.1080/00048409412345991.

26. Geach P. T. Reference and Generality: An Examination of Some Medieval and Modern Theories. Ithaca: Cornell University Press, 1962. 231 p.

27. Inwagen P. Material Beings. Ithaca: Cornell University Press, 1990. 300 p.

28. Olson E. T. Human People or Human Animals? // Philosophical Studies. 1995. Vol. 80, no. 2. P. 159–181. DOI: 10.1007/BF00989760.

Сведения о переводчике:

СЕРМАКШЕВА Валерия Александровна, бакалавр по направлению «Биология» Института биологии.

Адрес для переписки:

lerasermaksheva04841@gmail.com

UDC 111+17.021.2+611.013

DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-113-123

Источник перевода:

Olson E. T. Was I Ever a Fetus? // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57, no. 1. P. 95–110. DOI: 10.2307/2953779.

Ссылка на полный текст статьи: https://www.jstor.org/stable/2953779?seq=1#metadata_info_tab_contents

Для цитирования

Олсон Э. Т. Был ли я когда-то эмбрионом? = Olson E. T. Was I Ever a Fetus? / пер. с англ. В. А. Сермакшевой // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 2. С. 113–123. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-113-123.

Перевод поступил в редакцию 05.11.2020 г.

© Э. Т. Олсон

E. T. OLSON

University of Cambridge,
Cambridge, Great Britain, United Kingdom

Translated from English
V. A. SERMAKSHEVA

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

WAS I EVER A FETUS?

The Standard View of personal identity says that someone who exists now can exist at another time only if there is continuity of her mental contents or capacities. But no person is psychologically continuous with a fetus, for a fetus, at least early in its career, has no mental features at all. So the Standard View entails that no person was ever a fetus-contrary to the popular assumption that an unthinking fetus is a potential person. It is also mysterious what does ordinarily happen to a human fetus, if it does not come to be a person. Although an extremely complex variant of the Standard View may allow one to persist without psychological continuity before one becomes a person but not afterwards, a far simpler solution is to accept a radically non-psychological account of our identity.

Keywords: personal identity, fetus, human being, animalism, psychological criterion, psychological continuity.

References

1. Sadler T. W. Langman's Medical Embryology. Philadelphia: Lippincott Williams & Wilkins, 2000. 482 p. (In Engl.).

2. Smith B., Brogaard B. Sixteen Days // The Journal of Medicine and Philosophy. 2003. Vol. 28, no. 1. P. 45–78. DOI: 10.1076/jmep.28.1.45.14172. (In Engl.).

3. Morowitz H., Trefil J. The Facts of Life: Science and the Abortion Controversy. New York: Oxford University Press, 1992. 196 p. (In Engl.).

4. Flower M. J. Neuromaturation of the Human Fetus // Journal of Medicine and Philosophy. 1985. Vol. 10, no. 3. P. 237–251. DOI: 10.1093/jmp/10.3.237. (In Engl.).

5. Grobstein C. Science and the Unborn: Choosing Human Futures. New York: Basic Books, 1988. 208 p. (In Engl.).

6. Nagel T. The View from Nowhere. New York: Oxford University Press, 1986. 244 p. (In Engl.).

7. Unger P. Identity, Consciousness and Value. New York: Oxford University Press, 1990. 344 p. (In Engl.).

8. Johnston M. Human Beings // The Journal of Philosophy. 1987. Vol. 84, no. 2. P. 59–83. DOI: 10.2307/2026626. (In Engl.).

9. Grice H. P. Personal Identity // Mind. 1941. Vol. L, no. 200. P. 330–350. DOI: 10.1093/mind/L.200.330. (In Engl.).

10. Lewis D. Survival and Identity // Philosophical Papers. New York: Oxford University Press, 1983. Vol. 1. P. 55–72. (In Engl.).

11. Noonan H. W. *Personal Identity*. London: Routledge, 1989. 236 p. (In Engl.).
12. Noonan H. W. *Animalism versus Lockeanism: A Current Controversy* // *The Philosophical Quarterly*. 1998. Vol. 48, no. 192. P. 302–318. DOI: 10.1111/1467-9213.00102. (In Engl.).
13. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1984. 560 p. (In Engl.).
14. Perry J. *Can the Self Divide?* // *The Journal of Philosophy*. 1972. Vol. 69, no. 16. P. 463–488. DOI: 10.2307/2025324. (In Engl.).
15. Quinton A. *The Soul* // *The Journal of Philosophy*. 1962. Vol. 59, no. 15. P. 393–409. DOI: 10.2307/2022957. (In Engl.).
16. Shoemaker S. *Personal Identity: A Materialist's Account* // *Personal Identity: Great Debates in Philosophy* / Eds.: S. Shoemaker, R. Swinburne. Oxford: Blackwell, 1984. P. 67–132. (In Engl.).
17. Wiggins D. *Identity and Spatio-Temporal Continuity*. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 84 p. (In Engl.).
18. *Self and Identity: Contemporary Philosophical Issues* / Eds.: D. Kolak, R. Martin. New York: Macmillan, 1991. 512 p. (In Engl.).
19. Williams B. *The Self and the Future* // *The Philosophical Review*. 1970. Vol. 79, no. 2. P. 161–180. DOI: 10.2307/2183946. (In Engl.).
20. Stone J. *Why Potentiality Matters* // *Canadian Journal of Philosophy*. 1987. Vol. 17, no. 4. P. 815–829. DOI: 10.1080/00455091.1987.10715920. (In Engl.).
21. Warren M. A. *Do Potential Persons have Rights? // Responsibilities to Future Generations* / Ed. E. Partridge. Buffalo: Prometheus Books, 1981. P. 261–274. (In Engl.).
22. Quine W. V. O. *Tozhdestvo, ostensiya i gipostazirovaniye: per. s angl. [Identity, Ostension, and Hypostasis: trans. from Engl.] // S tochki zreniya logiki. 9 logiko-filosofskikh ocherkov [From a Logical Point of View. Nine Logico-Philosophical Essays]*. Moscow, 2010. P. 103–122. (In Russ.).
23. Lewis D. *Counterparts of Person and Their Bodies* // *Philosophical Papers*. Vol. 1. New York: Oxford University Press, 1983. P. 47–54. (In Engl.).
24. Inwagen P. *Four-Dimensional Objects* // *Noûs*. 1990. Vol. 24, no. 2. P. 245–255. DOI: 10.2307/2215526. (In Engl.).
25. Olson E. T. *Is Psychology Relevant to Personal Identity?* // *Australasian Journal of Philosophy*. 1994. Vol. 72, no. 2. P. 173–186. DOI: 10.1080/00048409412345991. (In Engl.).
26. Geach P. T. *Reference and Generality: An Examination of Some Medieval and Modern Theories*. Ithaca: Cornell University Press, 1962. 231 p. (In Engl.).
27. Inwagen P. *Material Beings*. Ithaca: Cornell University Press, 1990. 300 p. (In Engl.).
28. Olson E. T. *Human People or Human Animals?* // *Philosophical Studies*. 1995. Vol. 80, no. 2. P. 159–181. DOI: 10.1007/BF00989760. (In Engl.).

About the translator

SERMAKSHEVA Valeriya Aleksandrovna, Bachelor in Biology, Institute of Biology.

Correspondence address:

lerasermaksheva04841@gmail.com

For citations

Olson E. T. *Was I Ever a Fetus?* / trans. from Engl. V. A. Sermaksheva // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, no. 2. P. 113–123. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-113-123.

Received November 5, 2020.

© E. T. Olson